

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Внутренняя стабильность и поступательное развитие любого многонационального государства во многом определяются принципами, лежащими в основе его национальной политики, набором средств и методов ее реализации.

Исторически сложилось так, что Российское государство формировалось как многонациональная и поликонфессиональная держава, поэтому закономерно, что национальный вопрос являлся одним из важнейших аспектов ее внутренней политики.

Не ошибемся, если скажем, что впервые государственная власть столкнулась с данной проблемой после завоевания Казанского ханства, когда в состав Русского государства вошли народы различного происхождения и вероисповедания, к тому же имеющие традиции собственной государственности. Интеграция этих народов, и в первую очередь татар-мусульман, в Российское государство проводилась методами насильственной христианизации и русификации, не учитывающими социально-культурные особенности покоренных народов.

Эта тенденция в основных чертах сохранялась до начала правления Екатерины II, которая в целях снятия социальной напряженности среди нерусских народов, в том числе и татар, была вынуждена декларировать принцип веротерпимости: «Власть

соглашалась терпеть в государстве неправославное население, регламентируя его права, но сохраняя за православной церковью значение первенствующей»¹. Либерализация отношения к исламу была также обусловлена колониальными интересами империи в Крыму, присоединение которого привело к увеличению мусульманского населения, и правящие круги уже не могли «отталкивать его от себя открытыми гонениями»². Но даже послабление религиозного гнета и учреждение Оренбургского духовного собрания и Таврического магаметанского управления в первую очередь ставили задачу создания системы легального контроля над жизнью мусульман.

Таким образом, отход от прямолинейных грубых методов русификации не означал изменения сущности этой политики, которая по-прежнему преследовала цель этноконфессиональной унификации российского общества посредством ликвидации национальных особенностей нерусских народов.

Не изменилась она и в эпоху буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX столетия. Однако методы ее реализации подверглись некоторым коррективам. Необходимость нового подхода к вопросу о «принципах отношения к мусульманству вообще и особенно татарам, как наиболее развитому му-

сульманскому народу»³ была обусловлена присоединением к России среднеазиатских государств, продолжающимся отпадением крещеных татар от православия и движением крымских татар и татар Поволжья за переселение в Турцию. Теперь основным элементом в системе мер по ассимиляции коренного населения становится русский язык, которому отводилась главная роль в создаваемых русско-татарских народных училищах и русских классах при мектебах и медресе. Кроме этого, он внедрялся и в конфессиональную сферу. В связи с этим устанавливался образовательный ценз для мусульманского духовенства, предусматривающий обязательное знание русского языка при получении духовного звания.

Правительство также пыталось повысить эффективность контроля над духовными учебными заведениями татар путем их структурного переподчинения. Так, в 1874 г. мусульманские учебные заведения были изъяты из ведения Министерства внутренних дел и переданы Министерству народного просвещения⁴. Однако «рядом с признанием необходимости подчинить мектебы и медресе надзору Министерства народного просвещения было и опасение в возможности возбудить эту меру вспышку фанатизма среди мусульманского населения»⁵, и данный закон остался лишь на бумаге.

Еще более жесткие условия функционирования национальной школы были установлены в 90-е гг. XIX века, когда циркуляром 10 июля 1892 года Министерство народного просвещения разрешило использовать в магометанских школах «лишь печатные книги, одобренные русскою цензурой»⁶ и допускать к преподавательской деятельности только русских подданных, получивших образование в России. Более того, по предложению Министерства народного просвещения от 21 ноября 1891 года было запрещено принимать в медресе

и мектебы детей татар, отпавших от православия⁷.

Другим приоритетным направлением русификации инородческого населения стало его приобщение к православию, которое должно было осуществляться миссионерами и священниками из среды самих инородцев. Для подготовки таких кадров были созданы Казанская центральная крещено-татарская школа, Казанская инородческая учительская семинария, а также миссионерские школы, открываемые Братством Святителя Гурия.

Вторая половина XIX века ознаменовалась коренными переменами и в самом татарском обществе. Во многом это было связано с развитием капитализма и возникновением национальной буржуазии. Потребность обновления, обусловленная социально-экономическими изменениями, вызвала к жизни такое явление, как джадидизм, проявившийся в различных сферах общественной жизни. Вопрос о сущности, направлениях джадидизма, о его месте и роли в истории турецких народов до сих пор остается открытым⁸. Однако бесспорно то, что одной из важнейших граней этого движения является реформирование системы народного образования. Именно через реформированную школу должен был осуществиться синтез исламских ценностей с достижениями современной цивилизации.

Впервые обновленная система мусульманского образования, основанная на звуковом методе обучения, была применена И.Б.Гаспринским в медресе «Зынджирлы» в Бахчисарае. Впоследствии такие учебные заведения появились в городах Казани (Апанаевское), Троицке (Расулия), Уфе (Галия, Усмания) и др. В новометодных медресе и мектебах помимо религиозных предметов вводился широкий спектр светских дисциплин, особое внимание уделялось изучению русского языка, применялась классно-урочная система и устанавливалось школьное оборудование.

Преобразование традиционной мусульманской школы в школу нового типа требовало от джадидистской интеллигенции не только настойчивости и упорства в борьбе за свои идеи, но и крупные финансовые вложения. И здесь не обошлось без помощи представителей татарской буржуазии, заинтересованной в воспитании подрастающего поколения, способного адекватно воспринимать и реагировать на изменяющиеся экономические и правовые реалии. К примеру, на средства купцов Хусаиновых было открыто медресе «Хусания».

Однако в конце XIX – начале XX века количественное преимущество продолжало оставаться на стороне кадимистских учебных заведений, руководители которых, не воспринимая никакие нововведения, грозившие, по их мнению, разрушить этноконфессиональную целостность и нравственные устои татарского общества, нередко в борьбе против джадидистов обращались за поддержкой к царской администрации. Самодержавные власти, в свою очередь, умело используя эти разногласия, проводили политику, направленную на ликвидацию прогрессивных начинаний в татарском обществе. Примером этого могут служить события, связанные с закрытием ново-методного медресе «Буби».

Уже с самого начала своего зарождения джадидистское движение попало в поле зрения властных структур. Впервые на него обратили внимание в Главном управлении по делам печати. Следует отметить, что интерес чиновников в некоторой степени был обусловлен Андиганским восстанием 1898 года, в ходе которого проявилось недовольство мусульманского населения колониальной политикой царизма в Средней Азии. В этой связи любые новшества в каких бы то ни было сферах жизни инородческого населения вызывали у властей опасение. Поэтому в недрах вышеуказанного ведомства была подготовлена докладная записка, ставшая основанием для секретного циркуляра Де-

партаментов полиции казанскому губернатору.

Примечательно, что государственные сановники пытались облечь движение джадидистов в некую форму панисламизма и пантюркизма. Такая тенденция начинает проявляться уже на заре 20-го столетия, а после поражения революции 1905–1907 гг. она становится доминирующей и широко используется для борьбы с национально-освободительным движением тюркомусульман России.

Таким образом, учитывая, что создание реформированной системы образования являлось неотъемлемой частью «идеологии национального обновления»⁹, предлагаемый вниманию читателей вышеуказанный циркуляр можно рассматривать как один из официальных документов, положивших начало работе по противодействию национальному движению в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) / В. С. Дякин / Вопросы истории. – 1995. – №9. – С. 131.

² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.)...

³ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.)...

⁴ ПСЗ–3. Т. 49. №5061. С. 382–383.

⁵ НА РТ, ф.1, оп. 6, д. 707, л. 16.

⁶ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань: Типография П.И. Кидалинского, 1899. – С. 57.

⁷ Сборник законов о мусульманском духовенстве... – С. 58.

⁸ См.: Абдуллин Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место / Я.Г. Абдуллин. – Казань: Иман, 1998. – С. 41.

Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению / Д.М. Исхаков. – Казань: Иман, 1997. – С. 80.

Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана) / Р.М. Мухаметшин. – Казань: Фэн, 2003. – С. 303.

⁹ Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана) / Р.М. Мухаметшин. – Казань: Фэн, 2003. – С. 86.

Чулпан Саматова,
аспирант Института
истории АН РТ

Министерство внутренних дел
Департамент полиции
31 декабря 1900 г.
№13407

Господину Казанскому Губернатору

Из имеющихся в Департаменте полиции сведений усматривается, что за последнее время в татарской литературе замечаются совершенно новые веяния, грозящие расшатать весь многовековой уклад жизни свыше 14-ти миллионного мусульманского населения русского государства и дающие возможность предполагать о готовящемся в жизни сего населения серьезном переломе.

Первоначально эти новые веяния проявились в совершенно, по-видимому, невинной области нового метода обучения грамоте и вызваны были появлением изданного в 1884 году крымским муззаком Исмаилом Гаспринским учебника татарской грамоты, составленного по европейской звуковой системе, значительно облегчающей усвоение татарскими детьми татарской и арабской грамоты и сокращающей время обучения. Вскоре, благодаря означенным достоинствам, учебник Гаспринского завоевал себе среди татар все права гражданства, отодвинув на задний план муллы, в руках коих до того времени сосредоточивалось обучение всего татарского населения; рядом с этим распространялись и новые прогрессистские веяния, не замедлившие превратиться в целое умственное и общественное движение, отразившееся в татарской литературе рождением двух новых течений: одного, – отстаивающего старые традиции, а другого, – служащего проводником в жизнь русского татарства новых идей прогресса и культуры.

Полемика между сторонниками этих двух течений сразу сильно обострилась и вместе с тем приняла национальный, общественный и культурный характер: стародумы магометанства, по большей части муллы, выступили в защиту старых традиций с такой страстностью, какую можно было объяснить лишь испытываемым ими страхом и смущением перед новым движением, грозящим отнять у них прежние влияние и силу; новометодничество понимается ими как нововерие, угрожающее татарам отпадением от ислама и обращением в неверных, причем они помышляют даже о привлечении на свою сторону администрации к делу распри с новаторами.

Сторонники же новых веяний в своих сочинениях призывают татарское население России к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато. При этом новаторы приглашают своих единоверцев не в единую общеобразовательную школу, т. е. русские гимназии и высшие учебные заведения, а в особые татарские рассадники высшей мудрости, где европейская наука должна сочетаться с кораном и преподаваться на татарском языке. Они указывают на необходимость осмыслить свою веру, очистить ее от суеверий и невежественных толкований муллы и укрепить свою народность, расширив область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сферах и вообще хлопочут о прогрессе на почве ислама и тюркской народности.

Ограничатся ли прогрессисты в своих стремлениях вышеуказанными целями, или же, победив сторонников старых традиций, пойдут далее, предпринять в настоящее время не представляется возможным, как равно нет возможности предугадать, какая из двух партий останется победительницей и какие будут, с точки зрения интересов русской государственности, результаты победы. С этой последней точки зрения старотатарщина, держащаяся старых преданий, составляющих опору их благосостояния, не может быть признана надежной, причем не более надежна и партия прогрессистов, в виду одинакового с мусульманским духовенством отчуждения ее от России. Каковы бы однако ни были результаты торжества той или другой партии, опыт и недавние события в наших Средне-Азиатских владениях (Андижанское восстание) показали, с какой осторожностью и бдительностью следует относиться ко всяким движениям и настроениям в среде мусульманского населения России и насколько важно заблаговременное и возможно полное ознакомление с такими движениями.

Признавая в виду сего необходимым всесторонне осветить вышеуказанное начинающееся движение как для выяснения двойственного характера и конечных его целей, так и его значения в общегосударственном смысле, Департамент Полиции об изложенном имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, не отказать в распоряжении: о 1) выяснении среди мусульманского населения вверенного Вам района лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений, 2) собрании подробных сведений о их личности, общественном положении, а также связях в мусульманской среде, как равно и о том, где они получили свое образование, 3) установлении существует ли связь между сторонниками нового движения и младотурками и не вдохновляются ли они из Турции или иного заграничного центра и 4) выяснении где и кем основаны в пределах вверенного Вам района мусульманские школы с преподаванием по новым методам, кто состоит в них преподавателями и под чьим заведыванием и контролем такие школы находятся.

О последующем благоволите, Милостивый Государь, уведомить в возможно непродолжительном времени для доклада Господину Министру Внутренних Дел.

Директор

Делопроизводитель

С.Э. Зволенский

П.Н. Лемтюжников

НА РТ, ф.1, оп.6, д 99, лл. 1–2 об.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам поволжской прессы)

Почти 90 лет прошло с тех пор, как мир был втянут в Первую мировую войну. Результаты непоследовательной амбициозной внешней политики ведущих европейских государств (в том числе и России) оказались во много раз трагичнее и тяжелее, чем могли представить себе даже дальновидные политики. Страны и народы Европы и мира начнут осознавать эти последствия лишь тогда, когда окажутся втянутыми в первую за всю историю человечества мировую кровавую бойню, продолжавшуюся более 4-х лет и приведшую к необратимым процессам, коренным образом изменившим облик XX века.

Масштабы, характер и последствия глобального мирового конфликта трудно было оценить его совре-

менникам; до сих пор в научном мире не стихают дискуссии по проблемам первой мировой войны. Исследователь проблемы С. Хобсбаум обращает внимание на то, что не сразу народы воюющих стран осознали антинародный характер войны. И только, когда они оказались втянутыми в затяжную и бессмысленную бойню, тогда стал ощущаться весь трагический смысл происходящего¹.

Вначале никто не мог предвидеть, когда закончится война и каковы будут ее последствия. Тем не менее уже с первых дней войны разные общественные группы населения поволжских губерний определили свое понимание причин, целей и перспектив военного конфликта, приобретающего черты мирового.